

Денис Васильевич Новак,
заместитель министра юстиции Российской Федерации

Родился 30 мая 1979 г. в г. Абазе Хакасской автономной области (ныне — Республика Хакасия).

В 2001 г. с отличием окончил юридический факультет Кемеровского государственного университета, в 2003 г. — с отличием Российскую школу частного права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ.

С 2000 по 2001 г. — сотрудник учреждения юстиции Кемеровской области по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, управления Министерства юстиции РФ по Кемеровской области.

С 2001 по 2004 г. — сотрудник ряда юридических фирм г. Москвы и Московской области.

С 2004 по 2008 г. — адвокат, член Адвокатской палаты г. Москвы.

С 2008 по 2014 г. — главный консультант управления анализа и обобщения судебной практики, заместитель начальника управления частного права Высшего Арбитражного Суда РФ.

С ноября 2014 по август 2017 г. — заместитель директора Департамента экономического законодательства Министерства юстиции РФ.

Указом Президента РФ от 09.08.2017 № 369 назначен на должность заместителя министра юстиции Российской Федерации.

Действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2-го класса.

Кандидат юридических наук.

Реформа ГК достигла задуманных результатов в части того, что связано с динамикой гражданских прав

Денис Васильевич Новак,
заместитель министра юстиции Российской Федерации

— На Петербургском Международном Юридическом Форуме в этом году Вы заявили, что реформа гражданского права достигла своих результатов. Однако если говорить о правовых условиях ведения бизнеса, то время от времени появляются разговоры о необходимости продолжения изменений. К примеру, в Минэкономразвития уже поднимались вопросы о новой реформе корпоративного права. Что Вы думаете об этом?

— Если говорить о предпринимательской сфере, то основные результаты реформы гражданского права как раз связаны с корпоративным и обязательственным, договорным правом. И здесь мы уже видим оценки коллег из консалтинга, от тех, кто сопровождает сделки M&A, что все больше представителей бизнеса, особенно относящегося к малому и среднему звену, выбирают российское право именно потому, что в нем появились инструменты, которые вполне конкурентоспособны с традиционно пользующимся популярностью английским контрактным правом. А дополнительным конкурентным преимуществом нашего правопорядка является то, что обслуживание этих бизнес-проектов при выборе российского права гораздо дешевле, чем при выборе английского. Я еще раз повторюсь — реформа достигла своих задуманных результатов именно в части того, что связано с динамикой гражданских прав, — обязательств и юридических лиц.

— Еще во время работы над Концепцией развития гражданского законодательства существовали сомнения в том, что аналоги английских правовых институтов приживутся на российской почве. Высказываются такие сомнения и сейчас. Вы считаете, что их уже можно смело опровергнуть?

— То, о чем Вы говорите, — это уже второй шаг. Конечно, новые институты отличаются от своих зарубежных аналогов, и сейчас мы лишь можем оценить этап выбора юрисдикций. А о том, как в дальнейшем будут рассматриваться споры и какая будет

складываться судебная практика у тех, кто выбрал эти юридические конструкции, наверное, пока преждевременно говорить просто потому, что основное количество этих споров еще не дошло до судов.

Я сам слежу за судебной практикой и вижу, что, например, за нарушение корпоративного договора суды все чаще применяют астрент как судебную неустойку за непредоставление информации, что является довольно действенной мерой. Суды уже не боятся этих институтов, и разъяснения высших судов им в этом помогают.

За это время был принят целый ряд постановлений Пленума Верховного Суда, посвященных именно реформированным положениям ГК. Их значение очень велико, и я люблю повторять, что это отличные учебные пособия, по которым студенты могут изучать новые правовые институты. Те, кто сейчас будут обучаться гражданскому праву, уже могут ориентироваться на эти в сжатом виде сформулированные правовые позиции, которые находятся на самом острие развития гражданского права. В аналитических подразделениях Верховного Суда проводится действительно качественная работа, и благодаря приложенным ими усилиям документы получают очень хорошую научную основу.

Нам сейчас надо перейти к тому, чтобы выработанные Верховным Судом позиции были внедрены в реальную судебную практику. Вот с этим будет не так быстро. Если Пленум в достаточно короткий период смог проработать и принять их, то ожидать, что они тут же начнут применяться судьями, которые имеют колоссальную нагрузку, не стоит. Об этом я тоже говорил на Петербургском Форуме.

Здесь помочь усилению конкурентоспособности российской юрисдикции может развитие третейского разбирательства, потому что там стороны могут номинировать в качестве арбитров тех, кому не потребуется длительно вникать в эти новые инструменты, тех, кто уже сам с ними работал и хорошо знает, как с этим обращаться. К тому же если у государственных судей часто в силу нагрузки не хватает времени для глубокого анализа новых норм и они обращаются к постановлениям Пленума лишь тогда, когда возникают соответствующие вопросы, то у третейских судей времени для аналитической работы предостаточно.

Поэтому так важно повышать доверие к третейскому разбирательству, для чего и была проведена реформа института арбитража. В первую очередь это предполагает укрепление доверия со стороны государственных судов. Так что внедрение новых гражданско-правовых институтов в правосознание наших судей неизбежно произойдет, но третейские суды могут создать хорошую почву для того, чтобы этот процесс прошел быстрее и более эффективно.

— Вы, наверное, отслеживаете, как сейчас относятся к решениям третейских судов в судах государственных. Действительно ли можно утверждать, что цель реформы по повышению доверия к арбитражу достигнута? К примеру, что суды стали меньше применять оговорку о публичном порядке?

— Широкое толкование государственными судами понятия «публичный порядок», безусловно, является одной из основных проблем, и здесь мы возлагаем надежды на Верховный Суд, который уже анонсировал, что в ближайшее время будет разработан про-

ект соответствующего постановления Пленума, посвященного вопросам содействия и контроля в отношении третейских судов. Очень надеемся, что сформулированные правовые позиции будут исходить из недопустимости расширительного толкования понятия «публичный порядок».

— Когда мы можем увидеть этот проект?

— Пока сложно сказать. Последний год об этом много говорилось. Ожидаем, что Верховный Суд пригласит и нас — Минюст, и экспертов из третейской среды на обсуждение каких-то предварительных вариантов. Могу со своей стороны добавить, что у нас при Совете по совершенствованию третейского разбирательства создана рабочая группа по мониторингу правоприменительной практики в сфере третейского разбирательства, в которой уже готовятся предложения к проекту постановления Пленума. В нее входят и члены Совета, и эксперты, которых номинировали члены Совета. Кстати, с недавними изменениями Закона об арбитраже (третейском разбирательстве)¹ Совет получил полномочия по обобщению практики, связанной с этими вопросами. Мы в официальном порядке эти предложения направим в Верховный Суд, когда начнется подготовка проекта постановления. И безусловно, номинируем представителей от Совета, экспертов для работы над ним.

— Среди постановлений Пленума ВС, которые способствуют имплементации новых институтов в нашу практику, одно выделяется особо — речь идет о декабрьском Постановлении о заключении и толковании договора². В нем Пленум постарался в том числе дать разъяснения по появившимся в законе формам типовых договорных конструкций и таким новым институтам, как заверения об обстоятельствах. Если в целом оценивать этот Пленум, то чем он знаменателен для практики в первую очередь?

— Прежде всего важен он тем, что на высшем уровне сформулированы конкретизирующие разъяснения для нижестоящих судов и даны важные ориентиры для судебного толкования. К примеру, сформулирован принцип, согласно которому как при толковании договоров, так и при решении вопросов об их недействительности или о том, заключен ли договор, нужно исходить из необходимости сохранения договора. Потому что стабильность и предсказуемость в гражданско-правовых отношениях будет тогда, когда стороны этих отношений будут понимать, что то, о чем они договорились, потом и послужит основой решения их споров.

Почему настолько популярно английское право? Потому что там этот принцип поставлен во главу угла: договор — это закон для сторон, и всё. У нас, к сожалению, если брать период, который предшествовал работе над реформой ГК (и по Концепции это четко видно), сформировалось устойчивое представление том, что если какой-то порок сделки есть, то он может привести к ее недействительности, даже если это порок формальный. К примеру, если сторона недобросовестно сама, приняв сначала исполнение, потом ссылается на какой-то изъян в договоре, чтобы просто не платить по нему, не нести ответственность. Вот эта тенденция очень опасна. И силами тех, кто ра-

¹ Пункт 6 ст. 44 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27.12.2018 № 531-ФЗ).

² Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

ботал над Концепцией, и силами Высшего Арбитражного Суда она в свое время была переломлена, так что, по сути, в Постановлении о заключении и толковании договора закреплён уже результат этой работы. Ее квинтэссенция содержится в ключевом пункте Постановления, 44-м: «При наличии спора о действительности или заключенности договора суд, пока не доказано иное, исходит из заключенности и действительности договора, и учитывает установленную в пункте 5 статьи 10 ГК РФ презумпцию разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. Если условие договора допускает несколько разных вариантов толкования, один из которых приводит к недействительности договора или признанию его незаключенным, а другой не приводит к таким последствиям, по общему правилу приоритет отдается тому варианту толкования, при котором договор сохраняет силу».

И это уже дало свои результаты. Статистика показывает, что споров о признании сделок недействительными или незаключенными в практике судов становится все меньше. И как в нормальном, здоровом правопорядке, основные споры начинают разворачиваться вокруг исполнения договоров и ответственности за их неисполнение, а не вокруг обрушения этих договоров через признание недействительными и незаключенными. Это важный аспект.

Еще можно обратить внимание на решение ряда застарелых проблем, которые, собственно, и приводили к тому, что наше договорное право становилось неконкурентоспособным. Так, имелась проблема с возможностью распространения правил о качестве товара на отношения по договору купли-продажи акций или долей в ООО. Известна позиция, согласно которой товаром может быть только вещь, а значит, даже если договор называется «купля-продажа доли в ООО», то к нему положение о товаре и его качестве применять нельзя. Из-за этого нельзя было воспользоваться классическими средствами защиты гражданских прав, такими как ответственность за недостатки товара. Здесь, к счастью, наконец-то появились четкие разъяснения, что правила о качестве товара к таким договорам применяются (п. 34 Постановления о заключении и толковании договора). Причем даже Высший Арбитражный Суд в свое время не осмеливался эту позицию высказать. Вопрос был слишком дискуссионный. Очень хорошо, что сейчас это сделано.

По сути, почему нам потребовались эти английские заверения об обстоятельствах? Именно потому, что привычные институты не работали. У нас же очень много на самом деле инструментов защиты от лжи при заключении договора. Это и правила о качестве товара, и нормы о признании недействительными сделок, совершенных под влиянием заблуждения или обмана. Тебе сначала сообщали, что у тебя определенное финансовое состояние в том обществе, долю которого ты продаешь, а потом оказывалось, что это не соответствовало действительности. И не видя, как здесь работают классические институты континентального права, стороны таких договоров очень хотели получить какой-то инструмент, позволяющий стимулировать к соблюдению договорных обязательств и привлекать к ответственности за их неисполнение. А у англичан здесь здорово работают заверения об обстоятельствах. Невзирая на то, что точно так же здорово могли бы работать правила о взыскании убытков за недостатки качества товара, мы переняли этот иноземный институт. Получилось масло масляное, но я считаю, что большой беды здесь нет. В законе появились дополнительные способы защиты от вранья при заключении договоров, и хорошо, что они есть. Главное — при их применении не запутаться.

Справедливости ради нужно отметить, что и развитие других континентальных право-порядков (взять тот же самый немецкий) показывает, что вроде бы там и традиционные правовые институты работают, но им все равно приходится применять дополнительно эти английские конструкции.

— Интересно, почему?

— Ответ на этот вопрос очень простой. Потому что инвестор к ним привык, и он будет ожидать от юристов, что они именно этот привычный ему институт пропишут в договоре. Поэтому если деньги идут из той юрисдикции, из той страны, где более популярно английское право, то, конечно, и юристам будет поставлено задание предусмотреть в договоре заверение об обстоятельствах, индемнити и т.д. Этот момент тоже надо учитывать. Но если в Германии это было сделано просто путем применения принципа свободы договора, то нам потребовался такой дополнительный толчок от законодателя, как прямое указание на возможность применения подобных заверений в тексте ГК.

Комментируя Постановление о заключении и толковании договора, хотел бы обратить внимание на то, что оно, можно сказать, выступает как некая кодификация ранее данных разъяснений, в том числе здесь можно увидеть воспроизведенные позиции из Обзоров Президиума и постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда. Преемственность в этих вопросах очень важна, и, кстати, заметьте — при этом соответствующие прежние разъяснения не отменяются. В Постановлении о заключении и толковании договора признаны не подлежащими применению только три пункта совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8³, все остальное продолжает действовать, в том числе в не отмененных постановлениях Высшего Арбитражного Суда. Важность этого Постановления и в том, что оно не только восприняло эти прогрессивные позиции, но и распространило их действие на всю судебную систему, а не только на арбитражные суды.

— Не могу не затронуть еще одну тенденцию, которую в свое время тоже пытался переломить Высший Арбитражный Суд и которая не в меньшей степени влияет на выбор применимого права при заключении договора. Речь о том, насколько свобода договора остается устойчивой перед применением императивных норм закона. Этому было посвящено Постановление о свободе договора и ее пределах⁴, значимость которого для раскрепощения договорного права, по некоторым оценкам, была едва ли не выше, чем вся реформа нашего гражданского законодательства. В Постановлении о заключении и толковании договора, несмотря на отсутствие упоминания этого документа, содержится ряд положений, которые наталкивают на мысль о преемственности позиций и в этой части.

— Скажу больше: в нем местами встречается прямое воспроизведение ряда пунктов Постановления о свободе договора и ее пределах.

Правда, за рамками предмета Постановления о заключении и толковании договора остался основной момент, который был отражен в п. 3 Постановления о свободе догово-

³ Постановление Пленума ВС РФ, Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

вора, — это так называемый трехступенчатый тест на определение диспозитивности или императивности нормы. Но целый ряд положений прямо в новом Постановлении зафиксирован. Например, это п. 45, где закреплен принцип *contra proferentem*, впервые сформулированный на уровне разъяснения высшей инстанции в п. 11 Постановления о свободе договора и ее пределах.

Обратите внимание на довольно частое использование формулировки «существо законодательного регулирования», которая впервые была использована именно в Постановлении о свободе договора. А сейчас она есть практически в каждом из принятых по итогам реформы ГК Пленумов, начиная с 25-го⁵. Поэтому, конечно, это сыграло свою роль, и мы видим продолжение процесса, запущенного в этом направлении. Для инвестиционного климата, безусловно, сохранение тех подходов, которые были заложены тогда, играет важнейшую роль. И чем больше подтверждений этих позиций в дальнейшем появится в практике Верховного Суда, тем, как я полагаю, с большим оптимизмом инвесторы будут смотреть на использование российского договорного права.

— Принято считать, что сейчас вызовы для нашего гражданского права идут главным образом от технологической составляющей. Обширно дискутируется Закон о цифровых правах⁶ и новый недавно принятый Закон о так называемом краудфандинге⁷. Вы согласны с этим?

— Пожалуй, нет. Это вызовы не для гражданского права, а, скорее, для права уголовного и административного. Применительно к криптовалютам основной вопрос сейчас не в том, признают ли это имуществом, хотя это тоже важная история, а в том, не наступит ли какая-нибудь публично-правовая ответственность просто за сам факт того, что произошел перевод криптовалют в фиатные денежные средства. Конечно, такая ответственность должна быть, если криптовалюта используется в целях отмывания денежных средств или финансирования терроризма и т.п. Но ее наступление не должно зависеть от того, используется ли в этих противоправных целях криптовалюта, обычные денежные средства или какие-то другие объекты гражданских прав. И я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что включение соответствующих норм в Гражданский кодекс было излишним. Ведь чем хороши классические гражданско-правовые конструкции? Тем, что они в силу своей абстрактности и так уже охватывают все эти новые сущности: у нас в ст. 128 ГК есть замечательная формулировка «иное имущество», плюс к этому принцип свободы договора. При должном правоприменении мы получаем тот же результат, на достижение которого было направлено включение в ГК статьи о цифровых правах. То же касается и включения в часть вторую ГК РФ специальной ст. 783.1 о том, что могут быть услуги по предоставлению информации, и положения о возможности предусматривать в договорах, что их исполнение осуществляется без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, добавленного в ст. 309 ГК РФ для целей легализации смарт-контрактов. Все

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁶ См.: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁷ См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

это, повторю, можно было вывести, просто руководствуясь принципами свободы договора и диспозитивности в гражданском праве. А вот вопрос, как к этому отнесется публичное право, сейчас в подвешенном состоянии. И не только, кстати, в России, но и практически во всех странах именно он является сегодня ключевым.

— То есть Вы не считаете токенизацию как тенденцию достаточно сильным вызовом, когда у нас объект гражданского права, его «наполнение», если можно так сказать, определяется каким-нибудь администратором системы?

— Здесь я не вижу какого-то разительного отличия просто от понятия «бездокументарная ценная бумага». Эмитенты в решении о выпуске закрепляют, какие права фиксируются вот этой оболочкой. Другое дело, что, институт ценных бумаг всем понятен, он хорошо и довольно подробно отрегулирован, там и риски все в целом предусмотрены, и благодаря тем инструментам, которыми обладает сегодня Банк России как регулятор, эти вопросы не возникают, но такая зарегулированность останавливает какие-то наиболее прорывные процессы в развитии инвестиций в цифровой среде. Сейчас самое главное для законодателя, а может, и для правоприменителя в лице, например, Банка России как регулятора, судов — найти тот самый баланс, который бы обеспечивал прорывное развитие, и в то же время предотвратить наиболее серьезные риски. Когда мы работали над проектом Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда по поводу свопов, те из коллег, которые занимали более консервативную позицию и очень осторожно относились к этим высокорисковым финансовым институтам, высказывались в том смысле, что можно, конечно, сейчас взять и нас, привыкших ездить на телегах, сразу посадить в болид «Формулы-1», но надо ли это? Не слишком ли опасно? Может, доедем и так спокойно, но зато не врежемся никуда и не разобьемся.

Здесь вопрос тот же самый. Я, конечно, сторонник того, чтобы не отстать в развитии, все-таки и на автобаны высокоскоростные нужно выходить, но выходить, прежде хорошо подумав, как обеспечить безопасность. Поэтому такой баланс и нужно найти.

— Цифровизация касается не только гражданского права, но и достаточно широкой области правоотношений. В этом году Вы анонсировали работу над законопроектом, который создает новый механизм разрешения споров в Интернете. Что за механизм имеется в виду?

— Это законопроект об онлайн-урегулировании споров, который вносит изменения прежде всего в Закон о защите прав потребителей⁸. Речь не только об интернет-торговле. Имеются в виду любые договоры с потребителями, не только о приобретении товаров через Интернет. Законопроект предполагает появление интернет-платформ, которые позволят легко направлять все свои претензии к продавцу, изготовителю товара, исполнителю услуг с помощью мобильного приложения несколькими кликами, и это послужит таким технологичным способом урегулирования разногласий между потребителями и продавцами мирным путем. Мы создавали этот законопроект в том числе с оглядкой на зарубежный опыт. Когда слышишь высказывания представителя китайской компании *Alibaba Group* о том, что порядка 95% споров с потребителями у них регулируются на таких платформах, понимаешь, что подобный механизм может эффективно заработать и у нас. Мне понравилось выражение коллеги из Китая о том,

⁸ См.: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

что для них это уже вопрос не правовой, а, скорее, технологический: не как его урегулировать в законе, а как настроить более удобно это онлайн-урегулирование споров, как лучше запрограммировать работу этих платформ?

В чем смысл готовящегося законопроекта? Некоторые, видя в нем слово «онлайн-урегулирование», воспринимают его как некий цифровой арбитраж, ожидают, что будет какая-то платформа выносить обязательные для сторон решения. Это неправильное понимание того, что законопроект имеет в виду. Речь идет не об аналоге цифрового арбитража. Кстати, для цифровизации арбитража уже есть необходимая нормативно-правовая база в Законе о третейском разбирательстве, кто желает, тот может, в общем, свои процессы при администрировании арбитража переводить в цифру. А здесь речь идет не об аналоге арбитража и не о возникновении некоей независимой стороны, которая будет выносить обязательные для сторон решения, и даже не об аналоге медиации. Это аналог претензионного порядка, просто переведенного в цифру. Когда начиналась работа над проектом, сначала основная его критика была связана именно с отсутствием понимания того, что предполагается появление инструмента для обмена совершенно такими же претензиями, какие сегодня направляются по почте и принимаются со штампом. Никто же не требует от работника, который принимает заявление от потребителя, независимости и беспристрастности. И никто не переживает, что он работает на продавца, изготовителя товара или исполнителя услуги. Потому что это всего лишь способ передачи претензии.

Мы видим, что уже очень многие это делают. Этот способ используется и в онлайн-банкинге, и у интернет-агрегаторов различных услуг. Гораздо удобнее, конечно, с чат-ботом пообщаться через мобильное приложение, чем на почту идти, отправлять претензию или где-то искать окошко, куда сдать его со штампом.

— В b2b сегменте это тоже будет предусмотрено, коснется ли хозяйственных споров?

— Сам законопроект регулирует пока только отношения с участием потребителей. И все эти нормы появятся в Законе о защите прав потребителей. Но мы рассчитываем, что в результате разовьются удобные платформы для направления друг другу претензий и ответов на них, и затем эти инструменты спокойно можно будет использовать и в отношениях между предпринимателями. Особенно с учетом того, что по многим спорам, относящимся к компетенции арбитражных судов, сейчас введен обязательный досудебный порядок. И там-то это существенно упростило бы для сторон его соблюдение.

Представьте себе — есть какая-то авторитетная, вызывающая доверие, как часы работающая электронная платформа для урегулирования разногласий, и предприниматели смогут включать в свой договор условия о том, что они претензии направляют через эту платформу. И соблюдать такой досудебный порядок станет гораздо легче, и связанных с этим издержек будет гораздо меньше. Отпадет необходимость направлять по почте и обеспечивать доказательства такого направления, потому что в этой платформе вся соответствующая информация будет храниться, вся история того, чем обменивались стороны, будет доступна. Наверное, это будет вполне востребованно. Не уверен, что понадобится еще какое-то дополнительное регулирование. Но если такой инструмент будет, расчет именно на то, что появятся профессиональные участни-

ки рынка, которые эти услуги будут предоставлять. Не каждый предприниматель, как какие-нибудь крупные наши банки или высокотехнологичные компании, будет вкладывать деньги в развитие таких продуктов. А если это будет некая готовая платформа, к которой можно присоединиться, — почему бы и нет?

— Будет ли обязательным условием создания таких платформ независимость и нейтральность их операторов?

— В первой версии проекта, подготовленного рабочей группой при АНО «Цифровая экономика» в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» одноименной национальной программы, этот принцип независимости и нейтральности разработчики попытались прописать. Он означал, что такие платформы не могут финансироваться и создаваться сторонами соответствующих договоров, что это должны быть специальные независимые платформы. Но это сразу привело к тому, что весь крупный бизнес стал говорить: исключите отсюда онлайн-банкинг, пожалуйста, исключите агрегаторов, исключите вообще всю сферу услуг! Те, кто уже сейчас большие деньги вложили в разработку аналогичных инструментов, конечно, когда видели такой вариант, очень негативно к этому отнеслись.

И только когда всё это было переформатировано с допуском использования и своих, и чужих платформ, сразу все успокоились, и сейчас речь идет уже о тонкой настройке.

Будет введен заявительный порядок для возможности соответствующих операторов платформ подавать сведения о себе и своих платформах и разместить их на информационном ресурсе, который будет вести Роспотребнадзор как регулирующий орган в этой сфере. Оператору нужно будет соблюсти определенные минимальные требования к этой платформе и правилам регулирования споров. В частности, он будет обязан хранить у себя соответствующую информацию, которая будет потом значимой в случае рассмотрения спора в суде. Это сведения о содержании сообщений, которые направлялись сторонами, о дате обращения с претензией. Если сейчас попытаться переписку на какой-то цифровой платформе распечатать и принести в суд, то, скорее всего, потребуется нотариальное засвидетельствование верности этих копий с сайтов или мобильных приложений, чтобы судья мог совершенно спокойно использовать их как доказательство. Безусловно, для возникновения доверия к таким доказательствам необходима четкая нормативно-правовая база.

— Давайте как раз поговорим о цифровой среде доверия. Ведь понятно, что это может разгрузить достаточно большой бумагооборот. Есть хороший пример нотариата, когда мы видим, что идет некий допуск публичной фигуры нотариуса в государственные реестры, появляется возможность для официального лица обратиться в реестр других ведомств для того, чтобы быстро получить какую-то информацию. Какие новые инструменты возможны в судебной среде? И есть ли перспективы для повышения доступа судов в таком оперативном режиме в государственный реестр? Ведется ли какая-то работа в этом направлении?

— Этому посвящен другой законопроект, который разрабатывается в рамках национальной программы «Цифровая экономика», посвященный как раз расширению возможностей представления доказательств в суд в электронном виде. К нему примыкает еще одно мероприятие — обеспечение возможности упрощения доступа к использо-

ванию видео-конференц-связи при рассмотрении дел судами. Сейчас уже всем известно, что в любой суд можно подать заявление, ходатайство и приложить к ним доказательства в электронном виде. Но то, о чем Вы говорите — непосредственный обмен информацией через системы, в том числе межведомственного электронного взаимодействия, — пока еще, к сожалению, это не работает. И законопроект, который сейчас тоже разрабатывается и будет потом внесен Минюстом в Правительство, посвящен как раз этому — он призван дополнить процессуальные кодексы, по крайней мере в части гражданского, арбитражного и административного судопроизводства положениями о том, что документы могут не просто быть представлены в электронном виде, а именно с использованием различных систем электронного взаимодействия. Это откроет возможность для направления информации из соответствующих реестров без перевода в аналоговый формат.

Пример с нотариальным сообществом показателен, там эти механизмы уже применяются. В недавно внесенном в Госдуму законопроекте⁹, также разработанном Минюстом в рамках национальной программы «Цифровая экономика», есть ряд мер в направлении дальнейшей цифровизации нотариата.

— Нотариусов кстати не смущает такая стремительная цифровизация? Они не боятся рисков, связанных с удаленным заверением документов?

— Нет, наоборот — они всячески поддерживают наш законопроект. Мы как раз постарались исключить из сферы электронного взаимодействия с нотариусом без личной явки к нему все рискованные области, такие как оборот недвижимости. Именно участие нотариусов в совершении таких сделок способно привести к снижению этих рисков. Совершение нотариальных действий удаленно будет применяться только в тех случаях, где не нужно проверять волю лица на совершение сделки. К примеру, заказать через Интернет нотариально засвидетельствованную копию страницы сайта по аналогии с тем, как уже сейчас можно заказать выписку из реестра уведомлений о залоге недвижимости.

А когда речь идет именно о сделках, требующих проверки соответствия воли волеизъявлению, надо сохранить необходимость личной явки к нотариусу. Но цифровизация и здесь дает новые возможности. К примеру, дистанционное удостоверение сделок с недвижимостью двумя или более нотариусами, когда сторонам, находящимся в разных городах, не нужно для совершения сделки собираться в одном месте — стороны подпишут ее каждый в присутствии своего нотариуса, а потом один из них сформирует в электронном виде единый нотариально удостоверенный документ. И биометрию можно будет использовать вместо паспорта для проверки личности при явке к нотариусу. Информационная система нотариата уже готова к внедрению этих новых инструментов, речь идет просто о расширении ее использования на новые сферы.

— Вернемся к законопроекту об электронных доказательствах. Получат ли в итоге суды, как нотариусы, широкий доступ к электронным базам ведомств?

⁹ Законопроект № 750699-7 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (в части оптимизации нотариальной деятельности, повышения востребованности нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц в условиях развития цифрового общества).

— Да. Конечно, это важная задача. Самое главное — нужно нам обеспечить систему межведомственного электронного взаимодействия с автоматизированной электронной системой судов. Кроме того, если мы говорим об участии граждан в судопроизводстве, интегрировать еще с порталом госуслуг РФ, чтобы граждане получили единую удобную точку входа для цифрового общения с государством. Работа в этом направлении тоже ведется.

— В какой стадии находится работа над законопроектами, о которых Вы говорили?

— Законопроект о цифровизации нотариата, как уже упоминалось, внесен Правительством в Государственную Думу. Законопроект об онлайн-урегулировании размещен на сайте <https://regulation.gov.ru/>. Сейчас идет его финальное согласование. Также мы проводили его обсуждение с объединениями потребителей на площадке Роспотребнадзора.

— Тогда в какие сроки можно ожидать его направления на рассмотрение в Госдуму?

— Он уже готовится к внесению в Правительство. Что касается пакета законопроектов, посвященных изменению процессуальных кодексов, то там, несмотря на то что законопроекты будут правительственными, ключевую роль в работе над ними, безусловно, должен сыграть Верховный Суд. Хотя проект уже в принципе тоже подготовлен, без согласования с Верховным Судом и Судебным департаментом трудно будет двигаться дальше. Так что мы ожидаем обсуждения на их площадке в ближайшее время.

— В завершение позвольте задать пару вопросов на тему профессионализации нашего процесса, поскольку здесь большую роль может сыграть реализация Концепции реформирования рынка юруслуг, которую курируете Вы. В проекте Концепции предполагался переход к 2023 г. к единому рынку юридического консалтинга на базе адвокатуры. Насколько реализуемы эти сроки исходя из сегодняшних реалий?

— Да, в самом проекте Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, который был опубликован для обсуждения в октябре 2017 г., обозначены некие сроки (например, 1 января 2023 г. как возможная дата перехода к введению исключительного права тех, кто обладает статусом адвоката, осуществлять платную, на возмездной основе юридическую помощь). Но именно в этом проекте Концепции говорилось, что предшествовать такому переходу должно будет проведение статистических, социологических исследований на предмет того, насколько силами именно адвокатского корпуса будет возможно обеспечить все потребности в оказании юридической помощи. Поэтому, пока уверенности в такой готовности не будет, сроки будут пересматриваться, Концепция это предполагает. За то время, которое заняло обсуждение проекта, основные ее идеи уже улеглись в головах юристов, хотя, когда они изначально озвучивались, была гораздо более негативная и резкая реакция. Прежде всего, речь идет о новых формах адвокатских образований, о возможности их существования в форме хозяйственных обществ, товариществ. Важным этапом в рамках работы над Концепцией мы считаем обсуждение ее на Петербургском Международном Юридическом Форуме. В прошлом году на пленарном заседании Форума Д.А. Медведев заявил,

что Минюст такую Концепцию готовит для того, чтобы создать четкие единые правила оказания юридических услуг. В этом году, по сути, было объявлено, что работа идет к завершению. Опять же, торопиться с реализацией окончательных итогов никто не будет. Мы ожидаем в ближайшее время запуска самой Концепции и тех законопроектов, которые должны были быть подготовлены в рамках первого этапа.

— Это произойдет в следующем году?

— Я очень надеюсь на это.

— Правильно ли я понимаю, что те сроки, которые в проекте обозначены, все-таки пристрелочные и они будут сдвинуты?

— Да. Совершенно очевидно, если там изначально указывались одни сроки, но с тех пор прошло два года, то надо соответственно их сдвинуть. Вместо 2023-го, наверное, это будет 2025 год.

— В интервью журналу «Закон»¹⁰ в свое время Вы говорили о том, что Минюст будет мониторить, как происходит приток новых юристов в адвокатуру. И исходя из этого будет определять, нужно ли осуществлять переход в такие сроки или нужно будет их продлить.

— Причем не только наполнение юристами адвокатуры, но и собственно выяснение мнения адресатов юридической помощи касательно того, насколько доступна именно адвокатская помощь как с точки зрения физического присутствия адвокатов в том или ином населенном пункте, так и с точки зрения доступности по стоимости. Это важный аспект.

— Вы такой мониторинг пока не проводите?

— Проектом Концепции предусмотрено, что нужно сначала разработать методику социологических исследований, а потом по ней уже эти исследования проводить. Сейчас их проводят в отдельных регионах. Конечно, по-хорошему надо анализ объемов профессионального представительства и вообще представительства судебного проводить повсеместно. Чтобы, грубо говоря, секретарь судебного заседания опрашивал, есть ли юридическое образование, есть ли статус адвоката, — выяснял этот вопрос, чтобы потом складывалась картина. Также важно узнавать мнение населения на этот счет. А то, что сейчас идет более активное наполнение адвокатского корпуса, — это показывает статистика.

— Да, даже говорят, что сейчас растет распространенность такого явления, как адвокатский туризм, когда юристы пытаются сдать экзамен в той палате, где проще получить статус.

— Это отдельный вопрос и очень спорный. Есть законопроект, который был внесен членами Совета Федерации, где было предложено очень жесткое решение — про-

¹⁰ Новак Д.В. «Задача Концепции — создать стимулы для объединения участников рынка профессиональной юридической помощи» // Закон. 2017. № 11. С. 6–19.

сто ограничить возможность перехода из региональной адвокатской палаты в течение пяти лет после приобретения статуса в ней¹¹. Но Правительство не поддержало такой подход. Вместо этого акцент нужно сделать на выстраивании более прозрачной системы сдачи экзаменов на получение статуса адвоката, чтобы его было одинаково легко или трудно сдать независимо от региона.

Собственно, Минюстом в поправках к законопроекту предложен как раз такой механизм: внести правило о том, что квалификационный экзамен обязательно должен проводиться с использованием автоматизированной информационной системы, обеспечивающей анонимную проверку результатов экзамена. Чтобы механизм был действительно беспристрастным, прозрачным. Можно сказать, что ряд мер, которые предложены в проекте Концепции, уже содержится в поправках, которые Минюст готовит к вышеупомянутому законопроекту об изменениях в Закон об адвокатуре¹². Там же предложено и совершенствование механизма формирования органов адвокатского самоуправления. В частности, необходимо предусмотреть, чтобы предлагать кандидатов на замещение освободившихся мест в совете палаты при ротации мог не только президент палаты, как происходит сейчас, но и другие адвокаты, чтобы изменить существующую герметичную систему, при которой президент палаты номинирует лиц в совет и именно они потом и избирают президента. Так не должно быть, конечно.

— Может, тогда уйдет эта напряженность, которая в этом году возникла по итогам Всероссийского съезда адвокатов?

— Безусловно, такие меры должны ее устранить. Когда будет реализован запрос адвокатов на участие в самоуправлении, тогда и отпадет эта напряженность, если механизмы будут получше выстроены.

— После принятия Концепции должен появиться упрощенный порядок принятия в адвокатуру?

— Да, она будет предусматривать упрощенный порядок. Правда, очень большая критика была относительно того, что упрощенный порядок согласно первоначальной версии проекта Концепции представлял собой просто проверку знаний Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката без проверки, например, знаний в области уголовного права и процесса. Это вызывало претензии со стороны как адвокатского, так и правозащитного сообщества. Т.Г. Морщакова, например, высказывалась в том духе, что допускать в уголовный процесс того, кто не подтвердил свои знания в этой сфере в рамках экзамена, неправильно.

Поэтому мы склоняемся к тому, что упрощенный порядок должен быть не в этом. У нас сейчас по Закону об адвокатуре квалификационный экзамен состоит из двух этапов. Первый — письменная проверка знаний путем тестирования. Второй — устное собеседование. Упрощенный порядок должен, на мой взгляд, состоять в том, что на этот переходный период будет исключен второй этап. Многие юристы, которые сейчас практикуют без адвокатского статуса, опасаются, что они могут не сдать экзамен

¹¹ См.: законопроект № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

¹² См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

по причине возможной предвзятости именно на устном собеседовании. Не знаю, насколько это резонно, но, по крайней мере, чтобы устранить такие опасения у наших коллег, которые потом захотят стать адвокатами, можно на этот переходный период оставить только тестирование, обеспечивающее автоматизированную анонимную проверку результатов, но в его рамках проводить уже полноценную проверку знаний, в том числе и по вопросам уголовного права и процесса. Вот тогда эти опасения станут точно беспочвенными.

— Предполагается, что в итоговой версии Концепции упрощенный порядок будет распространяться на всех юристов, имеющих высшее юридическое образование, или же только на тех, кто имел какой-то опыт в консалтинге? Например, инхаус-юристы могут претендовать на это?

— В опубликованном варианте проекта Концепции было указано, что для сдачи экзамена в упрощенном порядке необходимо пять лет стажа по юридической специальности в организациях, оказывающих юридические услуги на территории Российской Федерации. Теперь предполагается это требование смягчить и предусмотреть, что претендовать на упрощенный порядок смогут лица, имеющие пять лет любого юридического стажа, в том числе инхаусы, госслужащие, индивидуальные предприниматели, оказывавшие юридические услуги.